

Шапиро Анна Владимировна

студентка

ФГБОУ ВО «Российский государственный

гуманитарный университет»

г. Москва

П.П. ЕФИМЕНКО В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН МНЕНИЙ

***Аннотация:** статья посвящена научной деятельности знаменитого советского исследователя палеолита П.П. Ефименко и его роли в отечественном палеолитоведении. Подробно рассматриваются взгляды на вклад Ефименко его учеников, коллег и современных исследователей.*

***Ключевые слова:** палеолит, историография, Костенки, каменные орудия, палеолитические жилища, первобытное общество.*

Петр Петрович Ефименко – выдающийся советский археолог, во многом определивший принципиальные направления в исследованиях первобытного общества и оставивший целый ряд ключевых актуальных работ, касающихся изучения палеолита. Результатом его полевых и аналитических работ стало значительное продвижение в понимании и исследовании палеолита и палеолитических стоянок в целом.

П.П. Ефименко впервые заложил основы трасологических исследований на материалах стоянки Костенки I, систематизировал коллекции каменных орудий многих стоянок Восточной Европы и разработал концепцию развития древнего общества. Фактически он возродил интерес к палеолиту и актуализировал многие вопросы отечественного палеолитоведения, получившие развитие в работах его коллег и учеников.

Уже в 1912 году в Ежегоднике Российского Археологического Общества (ЕРАО) в статье «Каменные орудия палеолита» П.П. Ефименко отметил крайне недостаточный уровень исследований отечественного палеолита и предложил

первую в российском палеолитоведении профессиональную систематизацию коллекции каменных орудий на материалах Мезинской стоянки [34, с. 118].

В 1928 году выходит одна из ключевых статей П.П. Ефименко «Некоторые итоги изучения палеолита СССР», где он отметил, что после короткого всплеска популярности еще в 1880–1890-х годах, интерес к палеолиту угасает и стоянки, открытые еще во второй половине девятнадцатого столетия практически не исследуются [20, с. 48]. Основываясь на собственных наблюдениях и материалах коллег и предшественников, П.П. Ефименко составляет предварительную схему русского палеолита, состоящую из следующих эпох: шелльская, ашельская, ранне-мустьерская, средняя пора мустьерской эпохи, ранне-ориньякское время, поздне-ориньякское время, ранне-солютрейское время, поздне-солютрейское время, ранне-мадленское, средне-мадленское и поздне-мадленское время и, наконец, азильское время [20, с. 50].

С началом работ П.П. Ефименко на Костенковских поселениях 1930-х гг. в отечественной археологии начинается и качественно новый этап в изучении палеолитических жилищ. Одним из существенных достижений Костенковской экспедиции является разработка П.П. Ефименко новой методики раскопок палеолитических поселений. Как отмечал П.И. Борисковский, кессонный метод, который использовали до П.П. Ефименко, абсолютно не подходил для изучения палеолитических жилых комплексов, более того, фактически губил их [8, с. 256–257]. В наиболее знаменитой своей монографии «Дородовое общество», вышедшей в 1934 г. (в переизданиях 1938 и 1953 гг. – «Первобытное общество»), палеолитическое жилище становится одним из главных предметов исследовательского интереса П. П. Ефименко – он формулирует новые принципы полевой работы с древними постройками и обозначает их приоритетную роль в комплексном изучении стоянок.

В обобщающей монографии по итогам работ в Костенках I, вышедшей в 1958 г., П.П. Ефименко вновь обозначил новые акценты в полевом изучении палеолитических стоянок – смещение внимания с культурного слоя (ранее стоянки

было не принято рассматривать в качестве постоянных мест обитания) непосредственно на изучение жилых комплексов и связанных с ними находок. Он также разработал и новую полевую методику, основывающуюся на изучении палеолитических поселений путем расчистки древнего пола жилищ [8, с. 257].

Разработанные П.П. Ефименко новые методики раскопок, фактически, впервые в истории археологической науки позволили достаточно полно и комплексно реконструировать картину жизни палеолитических стоянок [12, с. 61].

В 1950-е годы П.П. Ефименко разрабатывает проблему взаимодействия и путей развития палеолитических культур Западной и Восточной Европы. Он пытается найти некоторые известные точки соприкосновения между палеолитом Средней и Восточной Европы и выявляет закономерности между стоянками в Чехословакии и двумя группами позднеоледниковых поселений в СССР (поселения типа Костенок и типа Городцовской). На основании этого П.П. Ефименко приходит к выводу, что основная линия развития первобытного общества и его культуры носили приблизительно один и тот же характер на всем пространстве Центральной и Восточной Европы [21, с. 287].

Историография вопроса

Диапазон историографических мнений о роли П.П. Ефименко в истории отечественного палеолитоведения достаточно широк.

В отечественной историографии, обзором деятельности П.П. Ефименко частично занимались и его ученики: П.И. Борисковский [7], А.Н. Рогачев [29], А.А. Синицын [32], а также некоторые коллеги исследователя [14; 15; 1]. Все эти работы были опубликованы в периодических изданиях Советской Археологии (СА) или же непосредственно в Сообщениях Государственного Института Материальной Культуры (СГАИМК) И Кратких сообщениях института археологии (КСИА). Основная часть этих работ, как дань памяти П.П. Ефименко, приходится на 1980–90-е годы. Эти работы не отличаются глубоким анализом деятельности Петра Петровича, а только лишь дают общее представление о деятельности исследователя в области советского палеолитоведения.

Первый, претендующий на биографический, очерк о П.П. Ефименко написал А.А. Формозов только в 2006 году [33]. Несмотря на непростые отношения с П.П. Ефименко [33, с. 109], А.А. Формозов смог написать очерк, который охватывает практически весь путь Петра Петровича как исследователя. Как отмечает сам Формозов, новизна его работы состоит в том, что он рассматривает деятельность Ефименко по прошествии времени и это, по его мнению, обеспечивает более реалистичный взгляд на работы П.П. Ефименко [33, с. 110]. Впрочем, очерк А.А. Формозова неоднократно подвергался критике за излишнюю предвзятость к участникам описываемых событий [27, с. 19–20].

В настоящее время, упоминания П.П. Ефименко в качестве исследователя палеолита можно встретить в работах таких видных современных исследователей, как С.А. Васильев, исследование которого представляет собой емкое описание изучения отечественного палеолита, где труды П.П. Ефименко играют немаловажную роль [11, с. 12–14, 16, 18, 20, 23–25, 32, 33, 42.]. А.П. Деревянко также отмечает заслуги исследователя перед отечественным палеолитоведением [11, с. 16]. Это лишний раз подчеркивает тот факт, что несмотря на то, что знания о палеолите значительно расширились с момента смерти П.П. Ефименко, его труды до сих пор остаются востребованными.

Тем не менее, до настоящего времени еще не было предпринято попыток осмыслить весь корпус его работ, касающихся древних обществ и палеолита в целом. При этом, взгляд на вклад П.П. Ефименко в науку не всегда был однозначным.

Взгляды на деятельность исследователя целесообразно будет рассматривать по нескольким позициям:

1. Современники П.П. Ефименко (учителя и коллеги).
2. Ученики П.П. Ефименко.
3. Представители отечественного палеолитоведения конца XX – начала XXI вв.

Учителя и коллеги, конкуренты. Старшее поколение.

Учителем П.П. Ефименко и еще ряда исследователей является украинский археолог Ф.К. Волков. Влиятельный ученый буквально вывел П.П. Ефименко в науку [28, с. 101]. Ф.К. Волков придерживался палеоэтнологического подхода, который включал в себя взаимодействие геологии, палеонтологии, археологии [28, с. 101]. В это палеоэтнологическое крыло входили С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, Д.А. Золотарёв, Б.Г. Крыжановский, Г.А. Бонч-Осмоловский, А.З. Носов, А.Г. Алешо, Л.Е. Чикаленко [28, с. 101]. Этого же придерживался и сам П.П. Ефименко. В его работах неоднократно встречаются упоминание о том, что к исследованию необходимо подключать смежные дисциплины.

Подход Ф.К. Волкова к изучению палеолита принято считать диффузионистским, он принимал эволюционную позицию [28, с. 102]. Впрочем, П.П. Ефименко уже в 1915 г. выдвинул на первый план изучение ареалов верхнепалеолитической культуры и путей миграции отдельных культурных элементов [28, с. 102].

На первых порах, отношения между П.П. Ефименко и Ф.К. Волковым были хорошими, но расхождение в вопросе развития палеолитического общества наложило свой отпечаток. В итоге, П.П. Ефименко откололся от этого направления, тем более, что практически все его последователи подверглись арестам в 30-е годы.

Говоря о коллегах П.П. Ефименко нельзя не сказать о С.Н. Замятнине.

Именно благодаря С.Н. Замятнину П.П. Ефименко стал подробно заниматься Костенками. С.Н. Замятнин еще до П.П. Ефименко изучал палеолитические местоположения Воронежского края. В 1922 г. выходит небольшой очерк по доистории Воронежского края [24, с. 15]. О Костенках там, правда, написано немного. Находка костенковской статуэтки сделала С.Н. Замятнина и П.П. Ефименко знаменитыми. Однако, А.А. Формозов отмечает, что П.П. Ефименко несколько опередил своего коллегу, желая перетянуть одеяло славы на себя [33, с. 127]. Считается, что С.Н. Замятнин и П.П. Ефименко – «провозвестники» виллендорфско-павловско-костенковского единства [9, с. 118].

Е.В. Булочникова отмечает, что во многом Замятнин и Ефименко работали над одним и тем же. «Эти исследователи исчерпали возможности стадиялистского подхода, в частности, и в попытках атрибутировать рассматриваемую группу памятников. Следующим логическим шагом стала выработка понятийного аппарата, основанного на иных принципах» [8, с. 58].

П.П. Ефименко и С.Н. Замятнин хоть и работали в одном коллективе, но тем не менее взгляд на одну и ту же проблему у них был разный. Так, например, С.Н. Замятнин не соглашается с П.П. Ефименко, который считал, что женские изображения являлись наиболее ранними проявлениями культа предков [23, с. 56]. Он считал, что если бы эти изображения действительно были связаны с культом предков и с возникновением материнского рода, то этих изображений должно было становиться больше, однако со временем они полностью исчезают во вторую половину верхнепалеолитической эпохи [25, с. 62]. Он вообще относил родовой строй ко времени неолита и мезолита [13, с. 59].

Ученики

Самым преданным учеником П.П. Ефименко считался П.И. Борисковский [12, с. 212]. Впрочем, не все его взгляды совпадали со взглядами наставника. Петр Иосифович более скромно заявлял о своем несогласии, нежели А.Н. Рогачев. В начале своей карьеры П.И. Борисковский так же тесно был связан с раскопками в Костенках, но после он отказался от изучения позднего палеолита Европы и вплотную занялся древним палеолитом Азии.

Почти синхронно со своим учителем в 1930-х гг. П.И. Борисковский затрагивает вопрос стадильности в развитии верхнего палеолита [7, с. 45]. Работа эта была подвергнута серьезной критике уже в самом предисловии к ней, однако как самостоятельное исследование для П.И. Борисковского она имела огромное значение. В ней П.И. Борисковский уже корректирует своего учителя в вопросах периодизации палеолита. «Ступени» П.И. Борисковского описывают лишь отличия во внешнем виде кремневого и костяного инвентаря или просто являют собой временные отрезки, не связанные со сдвигами в хозяйственной деятельности. А также П.И. Борисковский делает весьма весомые замечания относительно

того, как сменялись фазы. Он не соглашается с тем, что ориньяк-солютрэ сменились из-за климатических условий [7, с. 37]. Сомневается П.И. Борисковский и в том, что роль женщины в эпоху ориньяк была исключительной: «...искать отдельные экономические объяснения для каждой группы этих изображений только потому, что в одном месте скульптура, в другом – гравюра, а в третьем – глиняные изделия, вряд ли есть смысл» [7, с. 38].

Примечательно, что в книге «Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки», вышедшей в 1977 г. под редакцией П.И. Борисковского, роли П.П. Ефименко не отводится никакого исключительного места, он упоминается наряду с другими исследователями. Напротив, указываются и недостатки. Например, то, что палеолит Африки не находил отражения в работах П.П. Ефименко [5, с. 167].

В статье 1953 г. «О преодолении вульгаризаторских псевдомарксистских концепций Н.Я. Марра в изучении ранних этапов развития первобытно-общинного строя» П.И. Борисковский вместе А.П. Окладниковым подвергают критике П.П. Ефименко за использование «порочных концепций» Н.Я. Марра [6, с. 71].

Пожалуй, самым «оппозиционным» учеником П.П. Ефименко и даже конкурентом, может по праву считаться А.Н. Рогачев. Он открыто критикует П.П. Ефименко в своих статьях.

Во втором издании «Первобытного общества», вышедшем в 1938 г., П.П. Ефименко признал ошибочность своих положений по вопросу о времени появления рода, возникновения экзогамии. А.Н. Рогачев отмечает, что П.П. Ефименко не смог дальше развивать и совершенствовать свою «социологическую концепцию» эпохи палеолита. Критикует третье издание «Первобытного общества» и монографию «Костенки I» за то, что П.П. Ефименко игнорирует многослойность памятника.

А.Н. Рогачев отмечает, что у П.П. Ефименко возникали противоречия в социологической интерпретации памятников среднего палеолита, не укладываю-

щейся в марксистско-ленинское понимание первобытного общества как переходного состояния. Он критикует стадиальную концепцию развития дородового общества П.П. Ефименко. Шесть стадий, которые устанавливает П.П. Ефименко, отличаются от семи стадий П.И. Борисковского тем, что П.П. Ефименко отрицает первый ориньякский период.

А.Н. Рогачев не согласен со схемами П.П. Ефименко, основываясь на материале напластований Костенок I. Археологические раскопки А.Н. Рогачева 1953 г. показали, что Костенки I – памятник многослойный. И что ни о какой прямой преемственности речи быть не может [30, с. 54].

Впрочем, кое с чем А.Н. Рогачев все же согласен. Так он ссылается на опыт реконструкции палеолитических жилищ П.П. Ефименко и соглашается с тем, что ямы могут быть или жилыми, или хозяйственными [31, с. 16].

Таким образом, А.Н. Рогачев опровергает состоятельность стадиального разделения единой верхнепалеолитической эпохи. А так же многослойные поселения опровергают схематическую стадиальную точку зрения на развитие культуры верхнего палеолита. Имя А.Н. Рогачева принято связывать со сменой стадиялисткой парадигмы на парадигму культурологическую [3, с. 17].

Если до 50-х П.П. Ефименко определял основные направления и итоги отечественного палеолита, то в 60-х годах эту обязанность берет на себя А.Н. Рогачев. В качестве задач он обозначает продолжение геологических исследований в Костенковско-Боршевском районе, в бассейне десны, Днепра и Днестра. А так же уточнение периодизации и терминологии, которая, по его мнению, не вполне отвечает действительности [31, с. 10]. По итогам на 1960-й год Рогачев отмечает значительные успех в понимании образов первобытного искусства [31, с. 8].

Взгляд на научную деятельность П.П.Ефименко в конце XX – начале XXI вв.

На данный момент существует несколько терминов, определяющих феномен П.П. Ефименко. Например, исследователь А.А. Бессуднов предпочитает выделять «особую костенковскую школу исследования палеолитических поселений», которая сложилась на основе методики раскопок палеолитических жилищ, которую предложил П.П. Ефименко [4, с. 88].

Данная методика все же не идеальна и подвергается критике. М.В. Александрова пишет о том, что идеологическая подоплека проникла даже в практическую методологию раскопок [2, с. 142].

Резкой критике подвергалось то, что данная методика упускала факт многослойности стоянки. М.В. Александрова говорит о методике «широких или больших площадей» и отмечает идеологизированность даже в методике раскопок [2, с. 143]. Палеолитическая стоянка начинает рассматриваться исключительно как памятник первобытной истории, то есть исторический, а не геоархеологический объект.

М.В. Александрова отмечает, что методика раскопок широкими площадями хоть и позволила рассматривать палеолитический памятник как жилой комплекс, но в то же время она разрушила огромный фактологический материал [2, с. 148].

Л.С. Клейн относит П.П. Ефименко к основателям так называемой строгой дескриптивной археологии. Задача данного направления – строгая вещеведческая характеристика археологического материала [26, с. 46].

С.А. Васильев отмечает заслуги П.П. Ефименко в открытии гендерного подхода к изучению палеолита [11, с. 5]. По мнению С.А. Васильева, П.П. Ефименко предвосхитил развитие изучения вариации инвентаря в пределах поселения [11, с. 17]. Что примечательно, С.А. Васильев старается не рассматривать работы П.П. Ефименко после 30-ых годов, так как по его мнению, тот стадийный оттенок все же сильно сказывается на характере его работ.

Касательно непосредственно самого стадиялизма в палеолитоведении, С.А. Васильев отмечает, что в 90-е гг. интерес к периодизации палеолита снова возродился. По мнению автора, глобальный охват развития палеолитической культуры – явление в археологической науке практически уникальное, не встречающееся в зарубежной науке. И у истоков построения глобальных схем стоял именно П.П. Ефименко [10, с. 252].

«Во введении в палеолитоведение» под авторством А.П. Деревянко, С.В. Маркина и С.А. Васильева можно увидеть, что методика П.П. Ефименко фактически определила новое направление – палеосоциологию [16, с. 16].

Выводы

Таким образом, проанализировав мнения ученых о работах П.П. Ефименко можно сделать вывод о том, что в научном сообществе его деятельность воспринималась очень неоднозначно.

К сожалению, П.П. Ефименко не удалось создать научную школу в традиционном историографическом понимании. Ученики П.П. Ефименко не стали продолжать дело своего учителя. После смерти П.П. Ефименко они не перестали заниматься палеолитом, однако изменили направления: П.И. Борисковский вплотную занялся изучением Африки, З.А. Абрамова выбрала в качестве основного направления исследований палеолитическое искусство, а А.Н. Рогачев использовал другой – культурологический подход в изучении Костенок и палеолита в целом.

При несомненном признании заслуг П.П. Ефименко перед отечественным палеолитоведением, многие исследователи затрудняются отнести П.П. Ефименко к представителям какого-либо конкретного научного направления. Диапазон его научных интересов был чрезвычайно широк: П.П. Ефименко положил начало такому перспективному направлению, как трасология; изменил подход к полевой методике исследования палеолитических жилищ; актуализировал вопрос о влиянии климатических изменений на развитие палеолитических культур; выявил взаимосвязи культур Центральной и Восточной Европы.

Summary:

Analysis of scientists opinions about the research activities of P. Efimenko showed that the scientific community accepts it rather ambiguous. Unfortunately, Efimenko wasn't able to create a scientific school in the traditional sense of historiography. Students of P. Efimenko didn't continue the work of their teacher. After the death of P. Efimenko they haven't ceased to be engaged in the Paleolithic, but changed directions of researches.

In recognition of the undoubted merits of P. Efimenko before Paleolith, many researchers find it difficult to attribute him as representative of a particular scientific field. Diapason of his scientific interests was extremely wide: P. Efimenko initiated

such promising field as trasology, changed methodology of excavation of Paleolithic dwellings; actualized question of impact of climate change on the development of Paleolithic cultures; reveals the relationship of cultures of Central and Eastern Europe.

Список литературы

1. Абрамова З.А. П. П. Ефименко и изучение палеолитического искусства // КСИА. – 1992. – Вып. 206. – С. 17–22.
2. Александрова М.В. «Идеология» раскопок и приоритеты археологического исследования: (у истоков советской методики раскопок палеолитических поселений) // Восточный граветт. – М., 1998. – С. 142–150.
3. Амирханов Х.А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный Граветт. – М., 1998. – С. 15–33.
4. Бессуднов А.А. История изучения палеолита бассейна верхнего и среднего Дона // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – Белгород, 2009. – Вып. 9 (64). – Т. 11. – С. 86–96.
5. Борисковский П.И. Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. – Л., 1977. – 220 с.
6. Борисковский П.И. О преодолении вульгаризаторских псевдомарксистских концепций Н.Я. Марра в изучении ранних этапов развития первобытно-общинного строя / П.И. Борисковский, А.П. Окладников // Против вульгаризации марксизма в археологии. – М., 1953. – С. 70–91.
7. Борисковский П.И. К вопросу о стадильности в развитии верхнего палеолита // ИГАИМК. – 1932. – Т. XIV. – Вып. 4. – 39 с.
8. Борисковский П.И. Петр Петрович Ефименко. Воспоминания ученика // СА. – 1989. – №3 – С. 253–259.
9. Булочникова Е.В. С.Н. Замятнин и П.П. Ефименко – провозвестники виллендорфско-павловско-костенковского единства // Локальные различия в каменном веке. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения С.Н. Замятина. – СПб., 1999. – С. 118–120.

10. Васильев С.А Стадиализм в палеолитоведении: 60 лет спустя // АВ. – 1998. – С. 250–254.
11. Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. ИИМК РАН. – 2008. – 179 с.
12. Гиря Е.Ю. Палеолитическая стоянка Костёнки I (верхний слой) как опорный памятник и источниковая база развития экспериментально-трассологической методики в отечественной археологии // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Замятнинский сборник. – СПб., 2015. – Вып. 4. – С. 60–102
13. Григорьев Г.П. С.Н. Замятнин и его отношение к немецким и французским авторам в области первобытного искусства. – 1999. – С. 57–60.
14. Григорьев Г.П. П.И. Борисковский и П.П. Ефименко // Археологические вести. – 1994. – Вып. 3. – С. 212–213.
15. Григорьев Г.П. П.П. Ефименко и С.Н. Замятнин // КСИА. – 1992. – Вып. 206. – С. 12–17.
16. Деревянко А.П. Введение в палеолитоведение. – 1994. – 288 с.
17. Ефименко П.П. Дородовое общество. – М.–Л., 1934. – 531 с.
18. Ефименко П.П. Значение женщины в ориньякскую эпоху // ИГАИМК. – Т. 1. – Вып. 3–4. – 1931.
19. Ефименко П.П. Костенки I. – М.–Л., 1958. – 452 с.
20. Ефименко П.П. Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. – 1928. – №1. – С. 45–59.
21. Ефименко П.П. Новое в вопросе о происхождении культуры позднего палеолита Средней и Восточной Европы // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1956. – №7. – С. 281–289.
22. Ефименко П.П. Первобытное общество. – Л., 1938. – 636 с.
23. Ефименко П.П. Первобытное общество. – Киев, 1953. – 663 с.
24. Замятнин С.Н. Очерки по доистории Воронежского края. – Воронеж, 1922. – 56 с.

25. Замятнин С.Н. Очерки по палеолиту. – М.–Л., 1961. – 175 с.
26. Клейн Л.С. Феномен советской археологии. – СПб., 1993. – 128 с.
27. Конопацкий А.К. Прошлого великий следопыт: Академик А.П. Окладников: страницы биографии. – Новосибирск, 2001. – 492 с.
28. Платонова Н.И. Палеоэтнологическая школа в археологии и Ф.К. Волков // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – №315. – С. 96–103.
29. Рогачев А.Н. П.П. Ефименко и вопросы социологии первобытного общества // КСИА. – 1972. – Вып. 131. – С. 5–10.
30. Рогачев А.Н. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-европейской равнины // МИА. – 1953. – №39. – С. 50–61.
31. Рогачев А.Н. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине // КСИА. – 1962. – №92. – С. 12–18.
32. Синицын А.А. П.П. Ефименко и современное палеолитоведение // КСИА. – 1992. – Вып. 206. – С. 6–11.
33. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. – М., 2006. – 341 с.